

**Г.А. Семенихин**

# **Лунный вариант**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84  
Г11

Г11      **Г.А. Семенихин**  
Лунный вариант / Г.А. Семенихин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 342 с.

**ISBN 978-5-458-04286-4**

**ISBN 978-5-458-04286-4**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021  
© Г.А. Семенихин, 2021

## АВТОР — ЧИТАТЕЛЯМ

*Вот и снова взялся я за перо, чтобы рассказать до конца историю военного летчика Алексея Горелова, ставшего космонавтом. Возможно, читатели не забыли, как заканчивалась первая книга.*

*Горелов покинул кабинет командира особого отряда космонавтов генерала Мочалова, узнав, что он не будет включен на очередной космический полет ни в качестве пилота корабля, ни в качестве дублера.*

*«Да. Звезды еще не близко, — думал тогда Алексей. — А значит, снова за тренировки, за учебу!»*

*Он шел по дорожкам засыпающего городка, жадно вдыхая лесной воздух ночи. Он знал, что путь в космос начинается с этих дорожек.*

*Он знал, что его час придет.*

*— Постой, постой, — скажет иной дотошный читатель, — значит, ты снова о них? Но признайся толком, кто он, твой Алексей Горелов: Гагарин, Леонов, Титов?*

*Нет, нет и нет! Ни Горелов, ни Костров, ни генерал Мочалов ни в коем случае не могут быть выданы автором за живых, существующих на самом деле космонавтов и их наставников. Литература есть литература, и она открывает широкие возможности для вымысла.*

— Минуточку, — прерывает все тот же настойчивый читатель. — Вот ты описал полет Горелова вокруг Луны. А ты уверен, что это будет именно так? Все — космический корабль «Заря», его орбиты и скорости, аварийные ситуации, в которые попадал твой герой?

— Да нет же и нет, — снова возражаю ему, — ни на какую научную документальность автор не претендовал. Когда-то великий Гоголь послал по воздуху в Санкт-Петербург к царице своего кузнеца Вакулу. Почему же в наши дни иному автору не попытаться представить себе, как совершатся первые исторические витки вокруг Луны?

— Значит, это все выдуманно?

— Выдуманно.

— А-а, — разочарованно тянет мой оппонент. — Ну что ж, все-таки посмотрим, почитаем, послушаем, что скажут другие...

Что ж, он прав, этот мой собеседник. Время — суровый судья писателя. Оно безжалостно не только к тем, кто, намного от него отстав, с непростительным опозданием обращается к прошлому, но и к тем, кто неудачно заглядывает в будущее. Время бережет хорошие книги и делает желтыми, обрекает на вымирание страницы плохих. И вместе с тем бежит оно так быстро и открывает такие необозримые дали, что не в состоянии перо беллетриста угнаться за ним. В лучшем случае движется оно параллельно, но с той примерно скоростью, с какой легковая малолитражка может соревноваться с курьерским поездом или немало послуживший и войне и миру транспортный самолет ЛИ-2 может находиться на параллельном курсе с роскошным турбовинтовым лайнером ИЛ-18. Несколько минут — и лайнер оставит далеко позади своего соперника. А потом настанет время, когда и лайнер, в сравнении с каким-нибудь новым пассажирским летательным аппаратом, отойдет на дистанцию двухмоторного поршневого ЛИ-2, ибо всё — в движении и развитии.

*Когда выдающийся конструктор нашего времени, ныне покойный Сергей Павлович Королев наблюдал старт первой космической ракеты, видел, наверное, не только металлический корпус этого первенца космонавтики. Вероятно заглядывая на годы вперед, мысленным своим взором видел он космический корабль, стартующий на Луну, а то и к другим планетам. И в этом нет ничего удивительного: способность осязать далекое — черта гения.*

*Я не космонавт и никогда уже им не стану. Но когда я думаю о людях, водивших первые корабли по нескончаемой и неизведанной звездной дороге, я хорошо понимаю, почему все они были питомцами авиации. Едва ли еще в какой другой области человек так быстро и верно развивает в себе прочные волевые качества, высокую реакцию, способность в ограниченное время принимать единственно верное решение.*

*Вот почему не имеет значения, кого имел в виду автор, создавая образ Алексея Горелова. Людей, на него похожих, у нас много, и в этом счастье нашей Отчизны.*

## 1

Пассажирский лайнер, полого забирая влево, делал гигантский круг над степью. За консолями длинных вибрирующих крыльев струился полуденный воздух, нагретый южным солнцем. Легкий металл, в который был одет фюзеляж самолета, отсвечивал голубизной. Над винтами четырех двигателей дрожали световые блики. Лайнер снижался, постепенно теряя высоту. Его первый и третий салоны пустовали и только в среднем сидели двадцать пассажиров в военной форме, какую летом носят в южных гарнизонах нашей страны. Среди них — две молодые женщины в легких с открытыми воротниками рубашках и синих юбках. Матерчатые погончики на их плечах были увенчаны знаками различия старшего лейтенанта.

— Вот мы и завершаем маршрут, товарищи, — сказал сидящий полковник с густыми, зачесанными назад волосами и шрамом над правой крутой бровью. — Под крылом Степановск, идем на посадку. Приглядитесь с воздуха к нашему новому местожительству. Все-таки целое лето будем здесь обитать.

Двадцать человек прильнули к иллюминаторам, а полковник добавил:

— Я попросил командира корабля сделать лишний круг над аэродромом. Холостой заход, так сказать.

— Что такое холостой заход, Павел Иванович? — засмеялся зеленоглазый подполковник с редким, отливающим медью зачесом, не оставлявшим сомнений в том, как тщательно ухаживает за ним хозяин. — У меня уже давно дети. У Кострова и Дремова — тоже. Нас нельзя призывать к холостому заходу. Разве вот двоих вы, товарищ замполит, можете на это толкнуть — Алешку Горелова да Женю. Больше холостяков нет. Даже Маринка и та...

— Перестань, Андрюша! — вспыхнула смуглая женщина-старший лейтенант и застенчиво отвела глаза. — Тебя всегда невпопад прорывает.

— Чудак Андрей, — без улыбки заметил широколицый подполковник, — не раскрывай своего послевоенного происхождения. Полковник Нелидов называет вещи своими именами.

— Пожалуй, так, — согласился Нелидов. — Во время войны на холостом заходе летчики погибали. Было. Даже меня зенитка поцеловала, — прибавил он мягко и прищурил глаз над шрамом. — А назначение холостого захода на войне — присмотреться к цели перед атакой. Вот и мы должны присмотреться.

— Сдаюсь, — примирительно протянул шутник. Плотно прильнувшие друг к другу женские головки, светлая и черная, закрыли иллюминатор.

— Смотрите, смотрите! — закричала звонкоголосая Женя Светлова. — Верблюды идут! Целый караван. У самого аэродрома. Вот это экзотика!

— А вон поле для парашютных прыжков, — отметила ее подруга, — оно начинается сразу за большим аэродромом.

— Где? — недоверчиво протянул горбоносый Игорь Дремов. — Подвинься, Локтев, ничего не вижу. Все своей фигурой боксерской закрыл. Ты что-нибудь видишь, Горелов?

— То же, что и все, — улыбнулся Алексей Горелов. — Зрелище весьма любопытное. Перед такой степью блекнут любые представления о времени и пространстве.

— Почему о времени, философ? — колко уточнил зеленоглазый подполковник. — Ну пространство, я понимаю. А время?

— А ты подумай, — лениво посоветовал Горелов, продолжая пристально смотреть в иллюминатор.

Чернявая Марина весело захлопала в ладоши, и на ее смуглых щеках заплясали ямочки.

— До чего ж, Субботин, у тебя замедленная реакция! — засмеялась она. — Я и то сразу догадалась. Конечно, при взгляде на эту степь ты — хочешь не хочешь — должен о времени и пространстве подумать. Раньше кочевник пересекал ее на своем верблюде за год, а наш «илюша» покрыл расстояние от Москвы до Степновска всего за какие-то несколько часов. Вот — и пала к ногам человечества даль необъятная оттого, что покорились людям.

— Ты еще о первой космической скорости загни, Маринка, — добродушно проворчал Субботин, — что-нибудь насчет светящихся частиц из своей недописанной диссертации.

Алеша Горелов, пропуская их веселую перебранку мимо ушей, продолжал вглядываться с безоблачной высоты в необъятную панораму степного края. Кто-то аккуратно провел прямые линии аэродромных дорог, вычертил квадратики белых зданий авиагородка и полосы улиц. Излучина широкой реки и ее поросшие серым кустарником берега с желтыми языками отмелей, выступающих местами до самой середины, оживляли безлюдную необъятную равнину, лишь кое-где изрезанную балочками и лощинами. Виднелись редкие юрты. Возле них пестрели пасущиеся стада. Алеша перенес взгляд правее и увидел

скопление белых, густо лепившихся у берега реки зданий Степновска, большое поле аэродрома, обозначенное скрещением двух бетонированных полос и самолетными стоянками, а чуть подальше — другое поле с выложенным для приземления парашютистов белым кругом. Вдали от аэродрома и Степновска в миражном мареве то возникали, то угасали контуры еще одного большого городка, такого неожиданного в этой степи.

— Павел Иванович, а там что? — спросил Горелов у Нелидова.

Полковник тыльной стороной ладони притронулся к шраму:

— На горизонте, что ли?

— Да.

— Геологи раньше обитали.

— В этой степи?

— Разумеется.

— И что же они тут делали? Нелидов пожал плечами:

— Странный вопрос. Это же не бесплодная Сахара, в которой только атомные взрывы можно производить да финики выращивать у оазисов. Среднеазиатская степь щедрая. В ней и ископаемых немало.

— А теперь что там?

Замполит пожал плечами:

— Не знаю, Алексей Павлович. По-моему, какое-то мирное поселение.

За спиной у полковника Нелидова выросла фигура второго пилота. Он осведомился, можно ли запросить разрешение на посадку. Нелидов утвердительно кивнул сидящей головой. Лайнер вздрогнул, меняя курс. Левый борт машины уходил от солнца, и на толстом плексиглазе круглого окна Горелов на мгновение увидел четкое отражение своего лица. Серые глаза под широким разлетом бровей, курчавые волосы, взбегающие над бугристым лбом, мягкий очерк подбородка — все было прежним, если не считать, что в глазницах уже легли морщинки не то от усталости, не то от напряжения, а скорее, от этих

последних, нелегко прожитых в особом отряде лет. «Прежний и не прежний Алешка», — подумал он о себе.

Лайнер, упрямо кренясь, шел на посадку. Оставались до нее считанные минуты. Пять, может, шесть, не больше. Оттого, что хвост самолета резко взбалтывался на разворотах, в заднем салоне подрагивали мешки с парашютным снаряжением.

«А почему же я не прежний? — спросил самого себя Горелов. — Неужели только потому, что прорезались под глазами лучики вот этих морщин, а на кителе серебрится ромбик выпускника военно-инженерной академии? Или потому, что на погонах появилась четвертая, капитанская, звездочка? Вздор! — резко оборвал он себя. — При чем тут внешность? Человек меняется внутренне. Беднеет или богатеет. А я? Разбогател или оскудел?» И Алеша задумался. Нет, не зря прошли эти годы. Он вспомнил Верхневолжск и тот день, когда бросался к машине Гагарина с конвертом в руке, в котором была изложена просьба «взять в космонавты». Наивная юношеская просьба. Потом вспомнил Соболевку, погибшего друга Васю Комкова, себя, спасающего горящий истребитель, сурового, но такого доброго комдива Ефимкова, случайное, счастливое направление в отряд генерала Мочалова...

Эти годы... Они многое изменили и в отряде космонавтов, готовящихся к первому полету к Луне. Алеша пришел туда наивным неоперившимся пареньком. И вот он не только закончил академию, но уже успел написать большую работу об испытании скафандра космонавта в окололунной сфере. Он бы никогда ее не одолел, если бы не тот драматический опыт у «закройщика космической одежды» Станислава Леонидовича, когда в условиях лунной ночи Алеша потерял сознание. Он тогда решил, что не годится в космонавты, и стал писать заявление об уходе из отряда. Его высмеяли ребята, и прежде всего их бессменный парторг Сережа Ножилов. А полгода назад Станислав Леонидович снова затребовал его, Горелова, на опробование нового скафандра. Алеша усмешливо спросил:

— Мне к чему готовиться? Снова в обморок?

— Если вам к обмороку, то мне к отставке, — холодно пошутил конструктор. — Нет, Алексей Павлович, теперь из области экспериментальной моя конструкция переходит в область эксплуатационную. — Он поджал тонкие губы. — Впрочем, если это вас не устраивает, я могу найти и другого кандидата для последнего испытания.

— Что вы, Станислав Леонидович, — засмеялся Горелов, — давайте уж лучше я. Все-таки я уже жертвовал здоровьем во имя вашего скафандра.

Конструктор неодобрительно пожал плечами:

— На сей раз никаких жертв от вас не потребуется.

Его снова проводили врачи и инженеры в тоннель, где была смонтирована термобарокамера, усадили в кабину, из которой три года назад он не мог выбраться без посторонней помощи. И опять с пульта управления был включен мертвенно-голубой свет, извещающий о температуре в минус сто шестьдесят градусов. Минут через пятнадцать Горелов ощутил небольшую тяжесть. Ожидая, что она начнет быстро нарастать, спружинил тело. Но тяжесть равномерно легла на плечи, спину и грудь, так что могло показаться — будто на него попросту надели еще один, более тяжелый, скафандр. Перегрузки больше не возрастали. Дышать было легко, кровь не звенела в голове и доска приборов не подрагивала перед глазами, как во время первого испытания.

— Алексей Павлович, — прозвучал спокойный голос конструктора, — дайте мне отсчеты, курс, время, скорость, процент кислорода, температуру в кабине, давление.

Горелов быстро назвал показания приборов и удивился, что сидит в термобарокамере уже более тридцати минут, а минус сто шестьдесят по Цельсию еще не дали себя знать.

— Вы нам спеть что-нибудь не сможете? — спросил конструктор.

— Станислав Леонидович, — рассмеялся Алексей, — вы же знаете, что я из породы безголосых.

— Тогда продекламируйте что-нибудь. Надо записать дыхание.

— Это можно, — согласился Алеша и неторопливым глуховатым голосом начал:

Во глубине сибирских руд  
Храните гордое терпенье,  
Не пропадет ваш скорбный труд  
И дум высокое стремление.

Лунный свет заливал глаза, сковывал своей холодной таинственностью. Горелов с вдохновением продолжал:

...Темницы рухнут — и свобода  
Вас примет радостно у входа,  
И братья меч вам отдадут.

— Достаточно, Алексей Павлович, — остановил конструктор. — Однако согласитесь с тем, что ваша темница сегодня не такая страшная, какой была в прошлый раз. Вы просидели сорок восемь минут. Усталость ощущаете?

— Нет.

— Тогда продолжаем опыт...

Горелов вышел из термобарокамеры через четыре с половиной часа, почти не ощущая перенесенной перегрузки. Его встретили с цветами, но Алеша решительно отстранил от себя молоденькую лаборантку:

— Позвольте, товарищи. Это не по адресу. Я здесь ни при чем. Для букета есть прямой адресат — Станислав Леонидович.

В тот вечер они долго просидели в кабинете у конструктора. Станислав Леонидович подробно, со всеми деталями объяснил ему схему нового скафандра, внесенные в нее усовершенствования, допускавшие длительное пребывание космонавта в условиях лунной среды. Потом он подошел к книжному шкафу,

нажал кнопку. Полка с книгами выдвинулась, и Алеша увидел тайник. В небольшой нише стояла бутылка коньяку, блюдецко с лимоном и две хрустальные рюмки-тонконожки.

— Полагаю, мы имеем право — за победу? — лихо предложил Станислав Леонидович. — Давайте перед ужином дернем по одной?

Горелов развел руками:

— Так ведь ко мне ночью придут врачи кардиограмму записывать.

— Чудак человек, — окончательно развеселился конструктор, — не забывайте, что после испытания у вас пульс замедленный и такой ускоритель, как пятизвездочный армянский коньяк, только поможет. Притом мы всего, как говорится, символически... только по пятьдесят.

— За такой успех стоило бы и побольше, — осмелел Алеша.

Но Станислав Леонидович погрозил правой рукой без мизинца:

— Ну-ну, вы же космонавт. А значит — трезвость прежде всего. Больше не налью. Берите лимон и — ваше здоровье.

— За ваш успех! — восторженно воскликнул Горелов. Конструктор выпил и, не взяв лимона, поставил на место пустую рюмку.

— Успех, говорите? — переспросил он. — Да, это действительно успех! Десять минут назад с космодрома принесли поздравительную телеграмму от моего самого большого начальника. Короче говоря, лунная одежонка есть. Остановка теперь за лунной тележкой. Тогда и на самом деле к ночной красавице можно будет в гости собираться. А мой скафандр... — он вдруг прервал свою речь коротким нервным смешком, — вы знаете, Алексей Павлович, о чем я часто думаю? Люди были бы страшно неинтересными, если бы состояли из одних положительных качеств и добродетелей. Не люди, а этикие совершенные и плохо осязаемые кибернетические существа. Нажми одну кнопку — и гениальное решение. Нажми другую — идеальный